

ПД-6

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КОСТИНОЙ, Анны Порфирьевны,от 22 декабря 1934 года.

ВОПРОС: С кем из участников зиновьевско-троцкистского блока Вы поддерживали связь?

ОТВЕТ: Я поддерживаю связь с б.участниками зиновьевско-троцкистского блока - ЕВДОКИМОВЫМ, ГОРШЕНИНЫМ, КАЖУРО, ШАРОВЫМ, ГЕРТИКОМ, ОЛЬХОВСКИМ и ЗАЛУЦКИМ Петром, последний бывал у меня и поддерживал связь только с моей семьей. С ЗИНОВЬЕВЫМ я встречалась до его исключения из партии в 1932 г. Изредка я встречалась с ЕЛЬКОВИЧЕМ, ГЕССЕНОМ, БОЧАРОВЫМ, встречала также у ГОРШЕНИНА - ДМИТРИЕВА Николая.

ВОПРОС: Расскажите, что Вам известно о собраниях в Москве быв.участников зиновьевско-троцкистского блока и характер этих собраний?

ОТВЕТ: При встречах, на квартире ГЕРТИКА Артема, до смерти его жены в 1932 г., на квартире у ГОРШЕНИНА и у меня присутствовали в разное время перечисленные мною лица. В разговорах при встречах затрагивались в беседах и политические вопросы.

ВОПРОС: Какие вопросы обсуждались Вами при встречах?

ОТВЕТ: После 15-го партийного съезда, признав вредность фракционной борьбы в условиях диктатуры пролетариата, большинство участников зиновьевско-троцкистского блока, не отказавшись от своих взглядов, вошло в партию. Многие из участников зиновьевско-троцкистского блока - я, БАКАЕВ, ОЛЬХОВСКИЙ, БОЧАРОВ, РУДЫЙ, ГОРОХОВ - считали, что разногласия по основным вопросам сгладились, т.к. основные решения съезда мы считали правильными.

Не согласны мы были с критикой оппозиции в решениях 15-го съезда партии. После восстановления в партии 1928-1930 г. мы критиковали многие решения партии по вопросам хозяйственной политики и политики в деревне. При этом мы выражали озлобленность по отношению к т.СТАЛИНУ. В 1928 или 1929 году, по возвращении ЗИНОВЬЕВА из Калуги, я приезжала из Вятки в Москву и заходила к ЗИНОВЬЕВУ. Во время разговора был затронут вопрос об отношении партии к участникам зинovieвско-троцкистского блока. ЗИНОВЬЕВ мне сказал, что сейчас о руководящей партийной работе говорить не приходится, что надо вращаться в партии, что некоторые товарищи не понимают, что это процесс длительный, что в партии неминуема борьба с правыми, и тогда мы окажемся полезными. Летом 1931 года во время моего посещения ЗИНОВЬЕВА на даче в Ильинском он затронул вопрос о положении дел в деревне; ЗИНОВЬЕВ говорил о том, что в деревне проводится насильственная коллективизация, что в перегибах виновны не только места, но и руководство партии, что перегибы не могли пройти мимо центра, что руководство партии не ориентирует партию о положении. Здесь же ЗИНОВЬЕВ сделал вывод, что насильственная коллективизация приводит к разорению деревни.

По вопросу руководства Коминтерна братскими компартиями ЗИНОВЬЕВ сказал, что при нарастании революционного движения, движение не получает помощи и руководства. Отсюда ЗИНОВЬЕВ делал вывод о слабости работы и руководства Коминтерна. Мне известно, что в 1932 г. к ЗИНОВЬЕВУ приезжал САФАРОВ "излить душу"; о чем САФАРОВ говорил с ЗИНОВЬЕВЫМ мне неизвестно. В 1930 г. ЗИНОВЬЕВ вел переговоры с правыми, об этом знали - я, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, знали-ли остальные

участник и зиновьевско-троцкистского блока - я не знаю. В конце 1932 г., когда ЗИНОВЬЕВА исключили из партии в связи с Рютинским делом, я знала, что мне придется выступать на собрании ячейки; для меня было непонятно, почему ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ отнесены к рютинской группе, в то время, как УГЛАНОВ, СТЭН и др. были выделены в особую группу с правом апелляции через год. Я сказала БАКАЕВУ, что думаю на собрании ячейки сказать о моем несогласии с решением пленума ЦК об исключении из партии ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА без права апелляции. БАКАЕВ меня пытался отговорить от этого выступления и, когда он не сумел меня убедить, он настоял на том, чтобы по этому вопросу переговорить с ЕВДОКИМОВЫМ, КУКЛИНЫМ, ШАРОВЫМ и ГОРШЕНИНЫМ. В этот-же день мы собрались у меня на квартире и, после обмена мнений, все присутствовавшие пытались меня уговорить не выступать, т.к. мое выступление будет ребяческим и бесполезным, а последствия для меня будут очень тяжелыми.

Встреча по вопросу моего выступления на ячейке носила характер собрания. Осенью 1933 г. на квартире у ГОРШЕНИНА встретились я, БАКАЕВ, КОЖУРО и ЕВДОКИМОВ. В процессе разговора был затронут вопрос о хлебо-фуражном балансе; ГОРШЕНИН и ЕВДОКИМОВ нам рассказали, что положение с хлебными ресурсами страны тяжелое, что трудно будет выправить положение, что на Украине имели место большие перегибы при проведении хлебозаготовок. Говорили также о том, что, если будет война, то при неокрепших настроениях в деревне, возможны осложнения в стране; я и КОЖУРО возражали всем присутствовавшим, т.к. считали, что трудности ими преувеличиваются. Здесь же был затронут вопрос о решении ЦК и СНК о хлебопоставках, и мы пришли к заключению, что решение было вынесено с запозданием, что, если бы решение было принято весной - оно - бы

- 4 -

стимулировало более устойчивым настроениям в деревне. С момента восстановления в партии, до последнего времени, - я - КОСТИНА, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, ГОРШЕНИН, ШАРОВ, КУКЛИН и ГЕРТИК Артем считали, что нас партия изолирует, не доверяет нам, что наше положение в партии тяжелое. Особенно мы при встречах говорили, что в московской организации наиболее тяжелое положение потому, что КАГАНОВИЧ относится с большей враждебностью ко всем б. оппозиционерам, чем в других организациях.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано.

КОСТИНА.

Допросил - НАЧ. I ОТД. СПО ГУГБ - ПЕТРОВСКИЙ.

Верно: 